

Леонская Елизавета

206.03

“мы играем на огромных “Роллс-Ройсах”

Газета — 2003 — 2 июля — С. 74

Наша бывшая соотечественница, с 1978 года живущая в Вене, знаменитая пианистка Елизавета Леонская на сей раз приехала в Москву вместе с Французским национальным оркестром и его новым шефом — прославленным дирижером Куртом Мазуром, с которым она исполнила в БЗК Второй фортепианный концерт Прокофьева. На репетиции с Елизаветой Леонской побеседовал корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Сейчас вы будете играть Прокофьева, и, вероятно, вы уже читали его дневники, только что выпущенные внуками композитора в Париже? Я только недавно узнала и еще не успела их получить, но жду с нетерпением.

Спрошу про другой московский культурный шок последнего времени, имеющий к вам непосредственное отношение, — дневники Рихтера, выпущенные Монсен-жоном зимой, в которых ваше имя неоднократно упомянуто добрым словом. Вынуждена вас разочаровать: и это чтение мне только предстоит. Эта книга дожидается меня в Париже.

Что ж, отложим эти вопросы до следующего раза. Как сложился ваш личный Прокофьев?

Ой (смеется), это я вам сейчас расскажу... Когда я приехала в Москву из Тбилиси, этой романтической девушкой, и искала в каждом музыкальном тексте невероятные драмы и эмоциональное напряжение, я играла на первом или втором курсе Вторую сонату. Меня тогда Яков Исаакович Мильштейн все время прерывал и говорил: «Лиза, ты пойми — за этим ничего нет. Играй просто». Не в смысле пусто — нет, но просто. И я для себя это наконец поняла. В самом деле, Прокофьева играют сейчас как такого «ударного» композитора, но мне кажется, что еще предстоит открывать его гармонический язык.

На этот раз вы приехали с Мазуром, которого вполне можно назвать последним из могикан...

Конечно, и его возраст, и прежде всего его жизненный труд сделали его легендой. Ну и потом — он, конечно, яркий представитель немецкой музыкальной культуры и двух ее самых значительных центров — Лейпцига и Дрездена, которые всегда были такими островками и по сей день остаются.

Там еще помнят, что такое подлинное звучание струнных...

Вы считаете, что это «уходящая натура»?

Да, безусловно. Причин для этого много, но в итоге это, конечно, руководство оркестров. Сейчас в большинстве оркестров состав даже струнной группы очень многонациональный, а вот в Gewandhaus или Дрездене в струнных сидят представители только одной школы. И не потому, что это какое-то нежелание пускать чужих. Венские филармоники тоже соблюдают это правило — они вполне могут взять кого-то из Праги, но чаще всего тех, кто также учился в Вене. Это позволяет сохранить неповторимое звучание оркестра.

А у пианистов?

Я не знаю, как с этим у вас здесь, не очень за этим слежу. А на Западе — ужасно. Там вообще школы нет. Это связано с самой системой музыкального образования, отсутствием музыкальных школ и так далее. Чаще всего это все на любительском уровне.

Вы там с такой же прямоотой это заявляете?

(Смеется.) Меня там об этом никто не спрашивает.

Вы очень резко ответили на пресс-конференции на вопрос о женском пианизме. Мол, такого не знаю. А только что вспоминали себя «романтической девушкой»...

Так сколько лет прошло! Да я и вправду этого не различаю — мужчины тоже могут играть по-женски, и в плохом, и в хорошем смысле этого слова. Это зависит от осознания. Ведь мужчины могут играть невероятно нежно, такие dolce, которые женщинам и не снились, но тем не менее это будет в высшем смысле «мужская» игра.

Вы преподаете или планируете преподавать?

Сейчас буду вести летом два курса. Но, честно говоря, — что за удовольствие все время чужие ошибки исправлять? Это приятное, конечно, время, но утомительное, к каждому нужно найти подход, причем так, чтобы сам человек этого не заметил.

Вы попали в Вену в момент расцвета звукозаписывающей индустрии, которая сейчас пребывает в кризисе. Как сейчас можно сделать карьеру молодому пианисту?

Скажу банальность — надо работать над собой, что-то из себя сделать, а все остальное каким путем образуется — это не так уж важно. Как говорит Радуга Лулу, надо, чтобы повезло, чтобы в нужный момент появился нужный человек и так далее. Ну «раскрутят», как здесь говорят, ну будет у него две машины, три дачи...

Да Бог бы с этим, если бы каждый, кого раскручивали большие фирмы, имел бы в самом деле такой феноменальный дар, о котором трезвонят все постеры. Совсем барахло они никогда не возьмут — иначе никогда не продадут диски.

Звук чьего рояля произвел на вас самое шоковое впечатление?

Если взять шире и говорить не только о звуке, но о явлении, то здесь имя одно — Свято-слав Рихтер, но что касается именно звука — то это Артуро Бенедетти Микеланджели, которого однажды я слышала в концерте, тогда я почувствовала, что называется, длину струны, где именно извлекается звук — в начале, в середине. Но это касалось именно его владения инструментом, но не самой музыки. Может быть, опять же потому, что Микеланджели не представлял какую-то культуру в отличие от того же Мазура, который все-таки классический немецкий капельмейстер... Но такой звук сейчас редкость. Это связано с тем, что мы все играем сейчас на таких огромных черных «Роллс-Ройсах», они очень непохожи на те «Блютнеры» или другие инструменты, на которых сочинялась эта музыка.

Ну вот Андраш Шифф играет Шуберта только на роялях Busendorfer...

Да (смеется), но это так и звучит. Действительно, у Busendorfer есть очень красивая окраска piano и pianissimo, но вот потом — больше ничего, нет forte. И мне Busendorfer страшно неудобен по механике.

Тяжело ли было на первых порах в Вене доказывать свою состоятельность?

Нет, скорее тяжело было становиться собой, и это был совсем не прямой путь. А принимали меня хорошо. Венцы очень восторженные люди.

А Зальцбург?

Зальцбург — очень холодный город. По правде говоря, терпеть его не могу. Мне там всегда очень одиноко. Может, из-за климата — там всегда дует этот фен. Но это на самом деле деревня, в которой проходит один из лучших фестивалей, где был Караян, и поэтому он...

Елизавета Леонская — Газете

Елизавета Леонская: «Я считаю удачей, если тишина длится на моем концерте хотя бы три-четыре минуты — ага, думаю, значит, наконец забыли себя»
Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

лучше всех все понимают. Публика вообще везде очень разная и слушает разными частями тела, если так можно сказать. Совершенно замечательная публика в Париже — они слушают сердцем и стараются постичь дух. Не то чтобы они всегда знают исполняемое произведение, но они очень открыты. И воспринимают музыку какими-то своими антеннами.

А немцы?

У немцев уши в голове — они всегда сравнивают: а вот в прошлом сезоне или в записи такой-то это играл так-то. Сейчас все изменилось в Испании, там все бегут на концерты, другое дело, что это может быть просто так — из-за любви к жизни, но, так или иначе, особенно в смысле камерной музыки там все стало очень здорово. В Вене замечательная публика, также слушающая сердцем, очень чувствующая, но это не значит, что они знатоки — играешь, скажем, по десятому разу прелюдию Рахманинова, а они подходят и спрашивают: «А что было на бис?».

Ито же Америка?

Спрашивайте меня про эту страну. Я про ничего не понимаю. В Америке есть по-чужие, университеты, залы, Остальное для меня —

как пустыня. Приезжая даже в Нью-Йорк, я в первый же день начинаю слушать пластинки или читать книжки, потому что у меня возникает ощущение, что я голая и никакая культура меня не окружает.

Мне рассказывала Белла Давидович, как она обнаружила, сидя на концерте знаменитого пианиста, что двое заведомо-потихоньку разгадывают кроссворды.

Я вам расскажу следующую историю, которую рассказывал Святослав Теофилович: «Я играл однажды си-минорную Сонату Листа, и даже мне показалось, что получилось хорошо, и когда я уже дошел до легкого места (так он говорил про последние октавы!) и решил посмотреть на публику, то с ужасом увидел сладчайший зев человека в первом ряду». Я даже не очень критично отношусь к этим людям в таком городе, как Нью-Йорк. То, что они кашляют, долго не могут сосредоточиться, — это нормально. Они так живут. Они кашляют потому, что у них везде кондиционеры и простуженные глотки, они даже не замечают, что они покашливают. И потом, они живут в очень громком городе — одно метро чего стоит с его грохотом. И я считаю удачей, если тишина длится на моем концерте хотя бы три-четыре минуты — ага, думаю, значит, наконец забыли себя.